ФИЛОСОФИЯ И НАУКА

2009 № 7

Бездны души и бездны мироздания

ПРОТОИЕРЕЙ КИРИЛЛ КОПЕЙКИН

Основной вопрос, стоящий перед современным человеком – человеком, сформировавшимся в контексте новоевропейской цивилизации, – это вопрос о его предназначении, о смысле жизни, иначе говоря, о месте человека в мироздании, являющийся и стержневым вопросом большинства религий. В философском аспекте он формулируется как проблема соотношения бытия и сознания, в марксистской философии приобретший статус "основного вопроса философии". Действительно, по меткому замечанию Фейербаха, "вся история философии вращается вокруг вопроса об отношении духовного к материальному". И, поистине, настоящим "скандалом в философии", по выражению Канта, стало то, что, несмотря на многочисленные попытки какого-либо общепринятого разрешения этой проблемы так и не найдено. Более того, как подчеркивал Ясперс, тысячелетние усилия философов так и не привели к выработке сколькнибудь универсальной системы общезначимых положений, которые бы разделялись всеми мыслителями-профессионалами. Но, может быть, еще более странным – а потому тем более нуждающимся в глубоком осмыслении, является поразительный факт одновременного сосуществования множества религиозных традиций, с одинаковой убежденностью претендующих на богооткровенность и обладание абсолютной истиной. Даже после воплощения Сына Божьего, в котором, по утверждению апостола Павла "*обитает вся полнота Божества телесно*" (Кол. 2, 9), и возникновения христианства, ставшего, по выражению А.Ф. Лосева, "абсолютной религией", другие религиозные течения не только не умерли, но и возникла новая мировая религия – ислам, а позднее религиозные верования стали все сильнее тесниться атеистическими убеждениями. Эта ситуация, последовательно игнорируемая всеми богословскими системами, с полным основанием может быть названа "скандалом в теологии"; да, собственно, и само христианство – религия *распятого Бога* – является, по слову апостола Павла, *скандалом: "Мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн* (σκάνδαλον), *а для Еллинов безумие*" (1 Кор. 1, 23).

Радикально отличной от философии и, уж тем более от религии, предстает наука, обладающая громадной принуждающей силой общезначимой истины. В отличие от множества философских систем и религиозных традиций наука едина; в первую очередь это относится к естественным наукам и математике: нет физики "арийской" или "советской" так же, как нет математики "западной" или "восточной". Фактически, как отмечает Т.Б. Романовская, "наука, имеется в виду естественно-научное знание, пре-

© Копейкин К., 2009 г.

вратилась в последний истинно сакральный институт современной цивилизации"[1]. Поэтому и у философов, и у теологов нередко возникало стремление создать подлинно "научную" философию, "научную" теологию или, по крайней мере, найти точки их соприкосновения, обрести общий язык. Одной из таких наиболее интересных, на наш взгляд, попыток нахождения точек соприкосновения гуманитарного и естественнонаучного знания стала попытка, предпринятая двумя выдающимися мыслителями XX столетия – создателем аналитической психологии Карлом Густавом Юнгом и одним из творцов квантовой механики лауреатом Нобелевской премии Вольфгангом Паули[2].

Впрочем, на рубеже тысячелетий выяснилось, что и в науке тоже есть свои "скандалы". К концу XIX столетия казалось, что мир "в основном" уже познан. В начале XX в. ситуация радикально переменилась: возникли теория относительности и квантовая механика, принципиально изменившие прежние представления о природе реальности. В первой половине минувшего столетия родилась космология, необычайно раздвинувшая границы наших представлений о мироздании. Физика вплотную подошла к вопросам, которые традиционно относились к компетенции философии, метафизики и теологии: *Что есть бытие? Что есть материя? Откуда все возникло? Куда движется мир? Что есть познание и знание?* Конец II тысячелетия ознаменовался попытками построения физики как Единой Теории Всего. И вот когда уже казалось, что предел познания практически достигнут, неожиданно выяснилось, что большая часть вселенной состоит "из неизвестно чего", получившего условные наименования "темной материи" и "темной энергии"[3]. Таким образом, к началу III тысячелетия выяснилось, что, несмотря на колоссальные усилия и поразительный прогресс науки, наши знания о мире весьма поверхностны, – поверхностны в буквальном смысле этого слова; то, что мы видим – это лишь верхушка колоссального айсберга, большая часть которого скрыта "в бездне" мироздания.

Одновременно с проникновением "вглубь" мироздания на протяжении XX столетия происходило все более глубокое исследование человеком "подвалов" собственной психики. В XX в. с новой остротой было осознано, что за пределами сознания находится неизмеримо превосходящий его океан бессознательного, оказывающего громадное

---

[1] *Романовская Т.Б.* Наука XIX–XX веков в контексте истории культуры (субъективные очерки). М., 1995. С. 10.

[2] В последнее время эта тема привлекает все более пристальное внимание исследователей; см. напр.: *Westman R.S.* Nature, art and psyche: Jung, Pauli and the Kepler-Fludd polemic // Occult and Scientific Mentalities in the Renaissance. Cambridge, 1984. P. 177–229; *Laurikainen K.V.* Beyond the Atom: The Philosophical Thought of Wolfgang Pauli. Berlin, 1988; *Card C.R.* The archetypal view of C.G. Jung and Wolfgang Pauli // Psychological Perspectives, 1991. Vol. 24, p. 19-33, Vol. 25, p. 52–69; *Van Erkelens H.* Wolfgang Pauli's dialogue with the spirit of matter // Psychological Perspectives, 1991, Vol. 24, 34–53; *Card C.R.* The Archetypal Hypothesis of Wolfgang Pauli and C.G. Jung: Origins, Development, and Impficatlons // Symposium on the Foundations of Modern Physics, Helsinki, 1992; *Enz C.P.* Wolfgang Pauli Between Quantum Reality and the Royal Path of Dreams // Symposium on the Foundations of Modern Physics. Helsinki. 1992; *Stapp H.* Mind, matter and Pauli // Symposium on the Foundations of Modern Physics, Helsinki. 1992; Wolfgang Pauli und C.G. Jung – Ein Briefwechsel 1932–1958 / Ed. *C.A. Meier.* Berlin, 1992; *Lindorff D.* Psyche, matter and synchronicity: a collaboration between C.G. Jung and Wolfgang Pauli // Journal of Analytical Psychology, 1995, Vol. 40, p. 571–586; *Zabriskie B.* Jung and Pauli: a subtle asymmetry // Journal of Analytical Psychology, 1995, Vol. 40, p. 531–553; *Card C.R.* The emergence of archetypes in present-day science and their significance for a contemporary philosophy of nature // In Mind in Time. Cresskill, NJ, 2000. P. 259–294; *Данилов Ю.А.* Вольфганг Паули, Иоганн Кеплер и Карл-Густав Юнг // Исследования по истории физики и механики. 2000. М.: Наука, 2001. С. 24–32; Atom and the Archetype: The Pauli / Jung Letters, 1932–1958 / Ed. Meier C A. London, 2001; *Donati M.* Beyond synchronicity: the worldview of Carl Gustav Jung and Wolfgang Pauli // Journal of Analytical Psychology. 2004. Vol. 49. P. 707–728; *Копейкин К.*, прот. μετα-φυ–΄σι'ка и μετα-ψυχή'ка // Метафизика. Век XXI. Альманах. Вып. 2: Сборник статей. М, 2007. С. 107–141.

[3] Согласно современным данным, масса обычного вещества составляет лишь около 4% от массы Вселенной, темная материя – порядка 23%, темная энергия – 73%.

влияние на динамику психической жизни[4]. И подобно тому, как бóльшая – "темная" – часть Вселенной оказывается скрытой от непосредственного наблюдения, так и бóльшая – "темная", бессознательная – часть человеческой психики оказывается скрытой за гранью сознания. При этом бессознательное тем сильнее сопротивляется попыткам его постичь, чем энергичнее оказывается на него давление. Именно "сила сопротивления" бессознательного является лучшим свидетельством его реальности. Как писал создатель аналитической психологии Карл Густав Юнг, "мы имеем перед собой *психическую реальность,* по меньшей мере равноценную физической ... мы лишь воображаем, что обладаем и управляем нашими душами, а на самом деле то, что наука называет "психикой" ... есть открытая дверь, через которую из внечеловеческого мира то и дело проникает нечто неведомое и непостижимое"[5]. По выражению Фрейда, создание психоанализа, наряду с открытием Коперника и теорией Дарвина, явилось "третьим величайшим унижением" в истории человечества, ибо оно показало, что человек "не является хозяином в собственном доме". Однако парадоксальным образом унижение обернулось возвышением: выяснилось, что внутри человека сокрыт целый мир, не менее загадочный и огромный, чем окружающий его космос. Бессознательное, по Юнгу, простирается далеко за пределы индивидуального сознания, обретая космическое измерение.

Такой параллелизм постижения сокровенных тайн природы и тайн человеческой души вовсе не случаен. Дело в том, что, как показывают Я. и М. Хинтикка, процесс научного познания представляет собой своего рода "игру с природой", в которой "природа" предстает как некое "хранилище" нашей же собственной невербализованной информации[6]. Основная цель построения логических конструкций заключается в том, что они позволяют сформулировать вопросы, способствующие экспликации прежде невербализованной информации. Таким образом, познание мира можно описать как единство процессов усвоения информации о внешнем космосе и, как выражался Хайдеггер, "высваивания" собственных конструктов, структур того мира, того *олам*'а, который, по слову Библии, вложен "*в сердце*" человека (Еккл. 3, 11). Исследуя окружающий его объект(ив)ный мир, человек, по выражению одного из создателей квантовой механики лауреата Нобелевской премии Вернера Гейзенберга, в конце концов "обретает самого себя"[7].

В сфере теологической развитие новоевропейской науки привело к тому, что, по мере углубления наших знаний о мире, представления о Боге все более возвышались, очищаясь от всего тварного и второстепенного, связанного с ограниченностью прежних воззрений. Бог, по выражению авторитетного католического историка науки Эрнана Мак-Маллина, перестал быть "Богом белых пятен", играющим служебную роль универсального объяснения всего непонятного, и стал, если так можно выразиться, еще более *сверхъ*естественным[8].

Параллельно с процессом все большего отдаления Бога от внешнего мира происходил процесс все более прочного Его укоренения в мире внутреннем, в глубине человеческой психики. Как утверждал Юнг, индивидуальная психика вырастает из присущего всем людям и передаваемого по наследству *коллективного бессознательного,*

---

[4] См. напр.: *Эллекнбергер Г.Ф.* Открытие бессознательного: история и эволюция динамической психиатрии. Часть II: Психотерапевтические системы конца XIX – первой половины XX века. СПб., 2004.

[5] *Юнг К.Г.* Отношение психологии к поэтическому творчеству // *Юнг К.Г.* Дух в человеке, искусстве и литературе. Мн., 2003. С. 100–101.

[6] См.: *Хинтикка Я., Хинтикка М.* Шерлок Холмс против современной логики: к теории поиска информации с помощью вопросов // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 265–281.

[7] См.: *фон Франц М.Л.* Наука и подсознание // *Юнг К.Г., фан Франц М.-Л., Хендерсон Дж.Л., Якоби И., Яффе А.* Человек и его символы. М., 1997. С. 308.

[8] *McMullin E.* Natural Science and Belief in a Creator: Historical Notes // Physics, Philosophy and Theology: A Common Quest for Understanding. Vatican Observatory – Vatican City State – Notre-Dame. USA. 1988. P. 49–80.

которое хранит в себе все этапы психической эволюции подобно тому, как наше тело несет в себе в свернутом виде историю всей эволюции биологической. И подобно тому, как в человеческой телесности может быть выделена универсальная общебиологическая структура наследственной информации – *генетический код*, человеческое коллективное бессознательное несет в себе универсальные структурные элементы, которые Юнг назвал *архетипами*, – своего рода "первичные прообразы", имеющие явно *религиозный* характер[9]. Архетипы, по Юнгу, представляют собой центры психической энергии; это, своего рода, "атомы души", они недоступны непосредственному наблюдению, но могут быть выразимы лишь символически. Символы приобщают нас к нуминозному[10]; они являются мощными "преобразователями энергии", "черпающими" ее из колоссальной бездны бессознательного и "поднимающими" на уровень осознания, где она может быть использована для рациональных целей.

Плодом совместного творчества Юнга и Паули стала работа "О природе психе", где делается вывод о том, что *материальное* и *психическое* "соприкасаются" друг с другом на каком-то глубинном уровне об этом свидетельствует наличие синхронистических совпадений[11] – и представляют собою два взаимо-дополнительных способа проявления единой природы. Юнг сравнивал "отношение психического и материального мира с двумя конусами, чьи вершины соединяются в одной точке – по сути, в нулевой точке – касаясь и не касаясь друг друга"[12]. Той "нулевой точкой", в которой происходит соприкосновение физического и психического миров, является, по Юнгу, архетип. "Архетипы, – писал он, – должны обладать непсихическим аспектом... психе ... в качестве объективного факта ... должна быть внутренне связана не только с психологическими и биологическими явлениями, но также и с физическими событиями – и, по-видимому, наиболее глубоко с теми, что относятся к сфере атомной физики"[13].

По убеждению Юнга, глубинные слои психики становятся все более однородными – до полного растворения в материальности тела: «Глубинные слои психэ теряют индивидуальную исключительность по мере того, как отступают все дальше и дальше в темноту. Это последовательное "движение вниз" означает, что по мере их приближения к автономным функциональным системам они становятся все более коллективными вплоть до универсализации и растворения в телесной материальности, то есть в химических субстанциях. Углерод человеческого тела – это просто углерод. Следовательно, на своем "дне" психэ является просто миром»[14]. Отсюда следует, что закономерности, характерные для глубинных, "до-индивидуальных", слоев психики, должны быть соотносимы с наиболее фундаментальными законами материального мира.

Но как же может быть осуществлено такое соотнесение *психического* и *физического*? В работе "Влияние архетипических представлений на формирование естественно-научных теорий у Кеплера" Паули выразил надежду, что единая картина , ми-

---

[9] Лат. religio, по мнению Цицерона, разделяемому выдающимся французским лингвистом Э. Бенвенистом, как по семантике, так и по морфологии связано с legere – *собирать, возвращаться к исходному виду, признавать; таким образом,* relegere – *вновь собирать, приступать к новому выбору, возвратиться к прежнему синтезу, чтобы его переделать* (см.: *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 398).

[10] *Нуминозность* – термин, предложенный Рудольфом Отто в его книге "Священное" и обозначающий *невыразимое, таинственное, пугающее* – качества, присущие переживанию близости божественного. Типичным нуминозным эмоциональным откликом на "встречу со Святым" оказывается сочетание "страха и трепета" с "восхищением и восторгом". Эта сложная гармония из сферы религиозного опыта переходит в другие области культуры и науки, становясь ее сокровенным началом.

[11] *Синхронистичными* Юнг называл необъяснимые смысловые совпадения, наличие которых не может быть объяснено существованием каких-либо причинно-следственных связей.

[12] *Юнг К.Г.* О природе психе // *Юнг К.Г* О природе психе. Сборник. М, 2002. С. 61.

[13] Там же. С. 78, 82.

[14] *Юнг К.Г.* Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1994. С. 371.

ра, существовавшая вплоть до XVII в. и впоследствии расколовшаяся на естественно-научную и мистико-геологическую, может быть вновь воскрешена. Он полагал, постичь отношение научного знания к религиозному переживанию "можно лишь с помощью символов, позволяющих не только наглядно выразить эмоциональную, чувственную сторону переживания, но и установить связь со всей совокупностью знаний рассматриваемой исторической эпохи и с реальным процессом познания"[15]. Паули утверждал, что поиски языка, на котором можно было бы говорить о материальных и душевных процессах, подобного языку средневековой алхимии, могут возобновиться в той сфере, в которую вступили атомная физика и аналитическая психология. Он видел "соответствия между психологическими и квантово-механическими понятиями", называл бессознательное "секретной лабораторией" и «рассчитывал, что идеи, связанные с подсознанием, выйдут за "узкие рамки терапевтического применения" и окажут влияние на все естественные науки, изучающие жизнь и все с ней связанное»[16]. Юнг же писал об этом так: "Рано или поздно ядерная физика и психология бессознательного должны будут сблизиться, по мере того, как они, независимо друг от друга и, продвигаясь в противоположных направлениях, будут осуществлять прорыв на территорию трансцендентального: одна – с помощью понятия атома, другая – посредством понятия архетипа... Психе и материя существуют в одном и том же мире, и каждая из них сопричастна другой; в противном случае, невозможно было бы взаимодействие. Следовательно, если бы исследование могло продвинуться достаточно далеко, мы, в конце концов, пришли бы к согласованию физических и психологических понятий"[17]. «Психология, по-видимому, обязана в свете физических находок пересмотреть свои "только психические" предположения, – подчеркивал Юнг. – ... Между физикой и психологией фактически существует подлинное и аутентичное отношение дополнительности. ... Психе – это ... объективная реальность, к которой исследователь может получить доступ с помощью методов естественной науки. ... психе ... в качестве объективного факта ... должна быть внутренне связана не только с психологическими и биологическими явлениями, но также и с физическими событиями – и, по-видимому, наиболее глубоко с теми, что относятся к сфере атомной физики»[18].

В работе "Влияние архетипических представлений на формирование естественно-научных теорий у Кеплера" Паули утверждал, что фундаментальные архетипические структуры психики – и, в первую очередь, структуры архетипа *самости,* – находят символическое отражение в естественно-научных построениях. *Самость* – глубочайший центр личности, играющий важнейшую роль в процессе *индивидуации* – обретения человеком *целостности.* В отличие от *эго*, стоящего "на периферии" психического, *эго,* внешней "границей" которого является обращенная к миру *персона, самость* находится в сокровенной бездне психического. По наблюдению Паули, полемика Кеплера с видным представителем герметической традиции Робертом Фладдом ознаменовала собою переход от "*самост*ного" магико-символического описания природы к классическому количественно-математическому "эгоистическому", описывающему и объясняющему все в категориях пространства, времени и причинности. Возникновение же нового, неклассического, естествознания неминуемо требует и смены парадигмы мышления. Паули был убежден в том, что наука – уже на новом витке – должна вернуться к более целостной установке Фладда, символизирующей идею соответствия *микро-* и *макро*-космa и отвечающей большей полноте восприятия по сравнению с установкой Кеплера.

---

[15] *Паули В.* Влияние архетипических представлений на формирование естественно-научных теорий у Кеплера // *Паули В.* Физические очерки: Сборник статей. М., 1975. С. 174.

[16] *Яффе А.* Наука и подсознание // *Юнг К.Г., фон Франц М.-Л., Хендерсон ДжЛ., Якоби И., Яффе А.* Человек и его символы. М., 1997. С. 310.

[17] *Юнг К.Г.* AION. Исследование феноменологии самости. М., 1997. С. 285–226.

[18] *Юнг К.Т.* О природе психе // *Юнг К.Г.* О природе психе. Сборник. М., 2002. С. 78–82.

Одним из наиболее дифференцированных символов архетипа *самости* является, по Юнгу, видение пророка Иезекииля (Иезек. 1, 4-28)[19]. Примечательно, что явленный в видении Иезекииля символ *тетрады* или *мандалы* неоднократно встречался и в снах Паули, проходившего анализ у самого Юнга. В одном из сновидений Паули созерцал явление "космических часов", бывшее чуть ли не репликой видения пророка Иезекииля, – сновидение, которое, по утверждению Юнга, стало поворотным пунктом – своего рода "обращением" – в судьбе Паули[20]. Именно видение пророка Иезекиилия было положено Юнгом в основу описания структуры и динамики *самости*. По его убеждению, явленный в видении Иезекииля кватернион 3+1, структура которого соответствует психологической схеме функций – мышление/чувствование и ощущение/интуиция, три из которых могут принадлежать сознанию, а четвертая оказывается погруженной в бессознательное – выступает организующей схемой психических процессов[21]. Поскольку же находящиеся "в бездне" психического архетипы, как утверждал Юнг, представляют собою некие "априорные возможности формо-представления", то логично попытаться узреть символические корреляции между кватерными структурами, явленными в видении пророка Иезекииля, и структурами, обнаруживаемыми современной фундаментальной наукой "в бездне" мироздания[22].

Можно выдвинуть следующее утверждение: если физика античности и средневековья устанавливала "поверхностное", "*оче*видное", ана*логичен*ское соответствие между внешним *космос* 'ом и внутренним *олам*'ом, если классическая физика прозревала это соответствие посредством соотнесения экспериментально выделяемых элементов мироздания с рациональными математическими структурами сознания, то современная физика продвинулась еще "глубже" – а потому более полное понимание природы как *микро*-, так и *макро*физического мира возможно лишь при условии более глубокого постижения природы нашего внутреннего мира – мира психического[23], при условии воссоздания в научном знании общего измерения, соединяющего внешний *космос* и внутренний *олам*. Это позволит приблизить созидание новой научной парадигмы, отвечающей по своим интегративным масштабам целостному мировоззрению человека третьего тысячелетия.

Установление корреляций между дотоле разобщенными *физическим* и *психическим* мирами позволит установить связь между, казалось бы, непересекающимися естественно-научной и религиозной сферами. Поскольку любой опыт, – как естественно-научный, так и религиозный, – отливается в типические формы, обусловленные глубинными архетипическими структурами психики, следует заняться поиском структурных закономерностей, общих для обеих прежде не соприкасавшихся областей научного и религиозного опыта. Наполнение этих формальных структур смыс-

---

[19] См.: *Эдингер Э.Ф.* Творение сознания. Миф Юнга для современного человека. СПб., 2001. С. 69

[20] См.: *Юнг К.Г.* Психология и религия // *Юнг К.Г.* Архетип и Символ. М., 1991. С. 174.

[21] См.: *Юнг К.Г.* AION. Исследование феноменологии самости. М., 1997. С. 268, 278.

[22] Заметим, что и.-евр. корень *budh (*bheudh-) – *бездна* родствен лат. fundus – *фундамент, основание,* др. иран. būna – *глбина, начало*, и др.-греч. πυθμήν – *дно* (см.: *Топоров В.Н.* Еще раз об и.-евр. *budh- (*bheudh-) // *Топоров В.Н.* Исследования по этимологии и семантике. Т. 2: Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 1. М., 2006. С. 216–234).

[23] Отметим, что сходные идеи еще 30 лет назад высказывались Э.Б. Финкельштейном. Он отмечал, что "основные утверждения, составляющие содержание анализа проблемы бессознательного, в значительной степени могут рассматриватся как следствие принципов, аналогичных принципам квантовой физики" (*Финкельштейн Э.Б.* Проблема бессознательного и фундаментальные принципы физики // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Т. IV. Тбилиси, 1985. С. 341). Еще раньше, в 1955 г., в докладе "Единство знаний", Бор отмечал, что "невозможность придать недвусмысленное содержание идее подсознания соответствует невозможности наглядного (модельного) толкования квантово-механического аппарата" (*Бор Н.* Единство знаний // *Бор Н.* Избранные научные труды: В 2 т. Т. II. М., 1971. С. 491).

ловым содержанием – следующая, неизмеримо более сложная задача; при этом неизбежно встанет вопрос поиска онтологических оснований новой области знания, общей по отношению к естествознанию, психологии и богословию.

Похоже, что сегодня мы стоим на пороге новой – "*сверхъ*естественно-*научной*" – революции, подобной той, что произошла, когда Галилей направил на небеса свой телескоп. Сейчас нам трудно понять всю революционную смелость тогдашнего "поворота от дольнего к горнему", ведь для нас небесные и земные тела качественно однородны, так что приборы, используемые для исследования земного естества, подходят и для исследования естества "небесного". Между тем еще с глубокой древности утвердилось представление о том, что небесные тела состоят из иной субстанции, нежели тела мира подлунного. Когда Галилей направил свою зрительную трубу на небо, за этим стояло молчаливое признание отсутствия онтологической грани, разделяющей земную и небесную сферы, отсутствие же сущностной границы означает, что на небе действуют те же самые законы, что и на земле. Ныне мы стоим на пороге снятия принципиальной границы между мирами естественно-научного и психического, а, значит, и религиозного опыта[24].

Когда-то церковь претендовала на то, что одна лишь она обладает истинным знанием о Боге и мире. По словам С.С. Аверинцева, «предполагалось, что существенное преимущество Церкви как держательницы "истинной веры" и состоит в том, что она в отличие от "неверных" знает разгадку: разгадку загадки мироздания, неведомую язычникам, и разгадку загадки Писания, неведомую иудеям. Вверенные ей "ключи царствия небесного" – это одновременно "ключ" к космическому шифру и к скриптуральному шифру, к двум видам "текста": к универсуму, читаемому как энигматическая книга, и к "Книге" (Библии), понимаемой как целый универсум – universum symbolicum»[25].

Начиная с эпохи Нового времени церковь утратила в глазах общества функцию единственной носительницы истины; summa theologiae перестала восприниматься как компендиум универсального знания. Теперь уже наука стала приобретать сакральные функции, выдвинув претензию на то, что истина ведома лишь ей одной. Эта сакрализация науки была глубоко закономерна, ведь естествознание изначально и возникло как theologia naturalis, как попытка познать Творца через изучение Его творений. Главная же цель науки Нового времени – преодоление последствий грехопадения – необходимости *со скорбью питаться от земли и в поте лица есть хлеб свой* (Быт. 3, 17–19) и утраты после Вавилонского столпотворения взаимопонимания (Быт. 11, 6–8), забвения того райского языка, что позволял Адаму *нарекать имена* твари (Быт. 2, 19)[26].. Хитроумные механизмы облегчают бремя труда, технические приспособления позволяют искусно обманывать природу. Универсальный же язык науки – это язык математики, являющийся, по убеждению Галилея, тем языком, на котором написана Книга природы. Впрочем, сегодня, в эпоху постмодерна, наука также начинает утрачивать статус сакральности, все более превращаясь в summa technologiae.

Ныне, на рубеже тысячелетий, представляется перспективным установление символических соответствий ныне разобщенных сфер науки и религии как двух взаимодополнительных способов постижения и преображения как окружающего *космос*'а, так и внутреннего *олам*'а. Это будет плодотворным как для науки, так и для религии. С одной стороны, объединение усилий науки и религии даст возможность современному человеку обрести опыт нуминозных переживаний в той сфере, где люди нашей

---

[24] Ср.: *Менский М.Б.* Квантовая механика, сознание и мост между двумя культурами // Вопросы философии. 2004. № 6. С. 64–74.

[25] *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 141.

[26] См. напр.: *Сапрыкин Д.Л.* Политико-теологический и юридический контекст ранней новоевропейской философии науки // Философия науки в историческом аспекте. Сборник статей в честь 85-летия Н.Ф. Овчинникова. СПб., 2003. С. 68.

эпохи привыкли встречаться с истиной – в сфере научной. Переживание же нуминозного является источником энергии, дающей силы для творчества – творчества как в научной, так и в религиозной сфере. Именно символы преобразуют энергию бессознательного, для того, чтобы она могла быть сознательно использована для достижения рациональных целей. С другой стороны, колоссальный творческий потенциал науки, являющейся сегодня главной силой, посредством которой человек объясняет и преобразует мир, сможет придать новый импульс религиозной жизни, без чего она, порой, редуцируется до традиции доверия к сборникам сакральных текстов и порождает чреватый радикальными эксцессами "фундаментализм".

Примечательно, что, по мысли Паули, само развитие науки способно помочь обрести – уже на ином уровне – новую целостность веры и знания. "Не так уж маловажно то, что думают физики, говорил он, – ведь именно узость ... идеала объективного мира, существующего в пространстве и времени по закону причинности ... вызвала конфликт с духовными формами различных религий. И если само естествознание ломает эти узкие рамки – как оно это сделало в теории относительности и в еще большей мере способно сделать в квантовой теории ... – то соотношение между естествознанием и тем содержанием, которое хотят охватить своими духовными формами религии, начинает выглядеть опять-таки иначе. ... В будущем ... наука ... будет не только терпимее к различным формам религии, но сможет, пожалуй, полнее рассматривая целое, обогатить и мир ценностей"[27]. Гейзенберг также пытался включить квантовую физику в такую целостную картину мира, которая обладала бы ценностным измерением. Он утверждал, что "существо науки ... составляет область *чистой науки*, которая не связана с практическими применениями. В ней, если можно так выразиться, чистое мышление пытается познать скрытую гармонию мира... В прежние времена люди по-разному говорили об этой центральной области; они употребляли понятия "смысл" или "Бог" или прибегали к сравнению, звукам, картинам. Имеется много путей к этому центру и в наши дни, и наука – только один из них... мировой порядок ... может определяться только этой областью через посредство тех людей, для которых открыт доступ в нее"[28]. *Чистая наука* как "центральная часть" всего знания, подобна алтарю храма, ибо она прикасается к сфере "центрального порядка", обнаруживая гармоническую структуру и целостность мироздания, и сила, исходящая из этой области, будет направлена ко благу, если ученый, как настаивал Гейзенберг, станет еще и священником и будет действовать во имя божественного начала[29].

---

[27] *Гейзенберг В.* Избранные философские работы: Шаги за горизонт. Часть и целое (Беседы вокруг атомной физики). СПб., 2006. С. 359–360.

[28] *Гейзенберг В.* Наука как средство взаимного понимания народов // *Гейзенберг В.* Шаги за горизонт. М, 1987. С. 32–33.

[29] См.: *Визгин В.П.* Вернер Гейзенберг о соотношении искусства и науки // Наука и искусство. М., 2005. С. 98–99.